

отвѣтили: „Merci, elle va bien“, Сосѡ стала ее укорять и говорила, что такъ нельзя, очень сухо, и, навѣрное, отвѣтила какими-нибудь глупостями... въ чувствительномъ родѣ.

Пожалуй, и сегодня онъ еще приплетъ депешу или самъ пожелуетъ. Сосѡ ничего не понимаетъ, да и не могла ни о чемъ догадаться... А ей, Зинѣ, не слѣдуетъ даже имени выговаривать этого... этого...

Она затруднялась, какимъ бы презрительнымъ словомъ выразиться и на какомъ языкѣ.

„Roublard!“ — вспомнила она слово княгини и сначала очень обрадовалась. Да, roublard, интриганъ, пролазъ; „на даровщинку“, — такъ выражается Теняшевъ, — желаетъ выйти въ люди и все забрать въ руки. И что онъ къ ней присталь? Неужели воображаетъ, что она для него — „un coup de filet à faire“? Онъ, съ его лицомъ, манерами, фигурой?... Онъ, позволяющій себѣ невозможное обращеніе?... Или, не пожелалъ ли онъ показать ей, своимъ тономъ, что онъ не только не рассчитываетъ на нее, на ея приданое, на всю ея эффектную и разодѣтую фигуру, а считаетъ себя неизмѣримо выше по всему и забавляется только сшибаньемъ съ нея спѣси?..

Большей безцеремонности нельзя было и выказать. Не только онъ ее приравнялъ къ первой попавшейся танцовщицѣ, но прямо ей показалъ, что знаетъ, какого она происхожденія; нѣсколько разъ далъ ей почувствовать, что, какъ бы она ни рядилась, какого бы высшаго стили ни держалась, все-таки она похожа... на какую-то заграничную мамзель, а не на русскую дѣвицу или даму изъ настоящаго общества высокопоставленныхъ и безупречно рожденныхъ людей.

И кто могъ ему разболтать о ея матери, о ея недавнемъ незаконномъ положеніи? Да кто же, какъ не Теняшевъ, другъ и наперсникъ!.. Неужели ей никогда не приходило въ голову, что такой человѣкъ выдастъ отца родного, только бы ему что-нибудь врать? Вѣдь онъ про себя, про свою жену, про свой разводъ, про такія исторіи, о которыхъ другой бы молчалъ до гробовой доски, рассказывалъ всѣмъ, въ первый же день знакомства. Навѣрное, все уже выложилъ и Рынину.

А она не догадалась даже запретить ему формально ротъ развѣвать о ней съ офицеромъ, еслибъ тотъ и началъ его спрашивать...

Почему же она этого не сдѣлала? Почему?..

Все по тому же чувству, которое не позволяло ей и княгинѣ Трубчевской говорить о своихъ родителяхъ прежде, чѣмъ не пона-